
Александр Бураков

Хочу

Последнее изменение: 06 января 2017

(с) Все права на эту работу принадлежат автору

□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□
□□□□□□

□□□□□□- Дружище, не подскажешь, сколько время?

- Отвали, дед.

Так завязалась эта безумная история. Господи, полный маразм. Но, лучше я начну сначала, так не очень-то понятно, что к чему.

Был обычный день, и все шло как обычно. Я помню, как сейчас.

1

- Просыпайся, хватит валяться, опоздаешь на учебу, - разбудил меня папа.

- Да ладно, и без меня могут все сделать.

- Вставай, а не то правда опоздаешь.

- Хорошо.

Невольно поднимаясь, я начинаю собираться в место своего обучения. Так себе место, частный колледж, но, выбирать не приходится. Кто на что горазд. НЕКОТОРЫЕ, какие-то идиоты, просто мечтают туда поступить. Для меня это - сущее наказание.

- Тебе положить еды с собой? - спрашивает мама.

- Зачем, так пойду, - нервно отвечаю я.

- Иди, как считаешь нужным.

Плавню переругавшись со всеми в доме, я, наконец, ухожу. До учебы ехать минут двадцать, не считая еще расстояния до остановки - 20 минут. Его я всегда прохожу сам, но иногда папа или еще кто-нибудь из соседей подвозят меня. Вечно эти соседи лезут, а потом еще смотрят так, вроде: "Чего ждешь, не такси, давай деньги". Если доходит до этого, то я просто посылаю такого водителя куда подальше и ухожу.

Добравшись до остановки, я жду автобус. Думаю позвонить Люси. Люси - моя девушка. Хотя нет, не буду я ей звонить, если что, она сама позвонит. Но, буду ли я брать трубку - это уже другой вопрос.

Я как всегда опаздываю в колледж. Занятие начинается в 9:00. Сейчас - десять минут после девяти. А я только на входе в здание.

На входе сидит охранник, с ним у меня давние счеты. Когда-то он приставал к уборщицам, искал свои сигареты, а спрятали они их довольно надежно - в мой пакет со сменкой. Не знаю, почему именно в мой. После я им и сам сказал, что они идиотки. Так вот, искал он свои сигареты, а мне как раз нужно было переобуться. Я прошу свой пакет у уборщиц, они мне его дают, а у самих лица красные, еле сдерживают смех. Ничего не подозревая, достаю я свой ботинок, и тут выпадает синяя пачка. Охранник в ужасе подбегает ко мне и начинает орать:

- Ах ты маленький козел, еще и двадцати нет, а ты уже вор! Как тебе не стыдно..

Слегка опешив, с минуту я молчу. А потом злость начинает разъедать меня:

- Дядя, а вы не охрене...

Тут в разговор встречаются уборщицы:

- Да он тут не причем, это мы подсунули ему сигареты.

- Так это вы виноваты.... - отвечает им охранник, дальше я и слушать не стал, было обидно жутко. Помню, что обидно было жутко. Потом мы с родителями пришли к директору, и, я знаю, что охраннику тогда здорово досталось.

Вот, сейчас я прохожу мимо него. Тянусь рукой в карман и вижу, что пропуска у меня с собой нет.

Охранник желчно улыбается, а потом говорит:

- Что, на выход?

Ну нет, ему не удастся меня спровадить. Я же не просто так сюда перся.

- Я сейчас позвоню классному руководителю.

Через пару минут после звонка он пришел, и меня впустили. Тем временем на часах стрелка давно ушла за двадцать минут. За это я получил выговор от своего руководителя. Не знаю, стоит ли уже идти на занятие.

Думаю, стоит. Я стучусь в дверь, готовясь стать очередной раз жертвой собственной некомпетентности.

- Войдите.

Я открываю дверь.

- Здравствуйте, извините за....

- Маллен, - с легкой усмешкой говорит учитель, - я знал, что это ты.

- Может, простите? Я правда больше никогда не опоздаю.

Зачем я так говорю, ведь это неправда, сущая неправда. Я серьезно старался не опаздывать, но у меня ничего не вышло. Каждый раз все по-новому. У меня просто дар находить приключения и из-за них опаздывать.

- Знаю я это "больше никогда". Ладно, входи, а если еще решишь опоздать, то приходи сразу с родителями, понял?

- Да, сэр.

- И, еще, давай дневник. Я напишу замечание.

Дневник это вообще отдельная тема. Большая его часть всегда покрыта красными чернилами. Мало того, что этим идиотам не жалко своих ручек, так они еще не брезгут писать так красноречиво, что любой поэт позавидовал бы им.

С полминуты он читает и пишет там что-то, а потом еще спрашивает:

- Почему я не вижу подписи родителей у предыдущих замечаний? Они в курсе?

- Да, конечно, просто забыли расписаться.

Дома мой дневник видели последний раз два месяца назад. Я просил Люси расписываться за родителей. У нее рука тверже. Да и так от нее что-то полезное.

После того, как он отдает мне дневник, я занимаю своё место и начинаю вливаться в занятие. И, хотя я опоздал, уже нестерпимо жду звонка.

2

- Ну что, Марк Маллен, ты ведь знаешь что нам нужно?

С одноклассниками отношения тоже как-то не сложились. Сейчас я стою, а напротив меня трое идиотов, хотят взять у меня контрольную, взамен предлагая оставить меня целым.

- Да пошли вы, придурки. Вот вам, - я показываю нужный жест, - а не контрольную.

- Ну ладно, только попробуй попросить у нас что-нибудь, получишь тоже.

Тут они гордо уходят, специально давая мне понять, что я теряю.

Ничего я не теряю. Не нужны мне эти друзья. Мне и без них хорошо. Они меня ни капли не радуют. Все не радуют.

Я иду в столовую. Здесь сидит Люси. Подхожу к ней и сажусь.

- Привет, Марк, - говорит мне она. Прямо светится. Наверное, ей что-то нужно.

Она красивая. Но, мне не хочется говорить с ней, порой даже вообще не хочется. И подходить к ней тоже, пусть побегает.

Молчу.

- Ладно, можешь не отвечать.

- Да, спасибо, что разрешила.

- Ты помнишь, что обещал мне? Нет?

Я киваю головой.

- Ты сказал, что мы сходим на выставку.

А, вспомнил. Вот что хотела она.

- Нет, не сходим.

Глаза ее медленно тускнеют, а щеки наливаются алым.

Почему? Я так хочу туда попасть.

- А я - не хочу. Сама иди на свою выставку. Чего я там не видел.

В ее глазах подходят слезы. Она как будто сейчас же заплачет.

После недолгой паузы, я спрашиваю:

- А когда эта выставка?

- Послезавтра, - кажется, в ней снова появилась та искра.

- Отлично, я вообще не приду сюда послезавтра. Не хочу.

Она совсем задавлена, закрывается книжкой.

- Ладно, пока, - встаю я и ухожу.

Она мне не отвечает. Может обиделась, да пусть что хочет делает, мне то какая разница.

З

Занятия проходят быстро. Вскоре я собираюсь и ухожу, гордо и столь печально. Уже давно стемнело, сейчас рано темнеет.

Порой на меня находят такие мысли, что обычному человеку от них стало бы противно, и он решил бы сходить к психологу или священнику, или что-то в этом роде. Я думаю о завершении своего пути. Думаю с некоторой статичностью. Как будто я уже смирился с фактом, что это произойдет, и даже немного жду этого.

После проведенного так дня я не могу думать больше ни о чем.

Проехав в автобусе, я опять поругался с кем-то из пассажиров. Мне наступили на ногу, а я непростительно отношусь к такому. Скандал был неплохой, даже не знаю, почему они все не вышвырнули меня из автобуса. Наконец, добравшись до своей остановки, я вышел.

Здесь есть одно место, точнее, крыша. В этих домах не очень-то следят за ходом наверх, и, местные жители лет до двадцати, часто этим пользуются. Так, я иду сюда, на крышу.

Я смотрю вниз, и меня туда непреодолимо туда тянет. Мне не хочется так существовать, непонятно зачем и для чего. Жизнь не радует меня, ни капли. Со мной не происходит ничего хорошего, и, порой мне кажется, что, если бы мне предложили уйти из нее, я бы согласился без всяких раздумий.

Но, не сегодня. Во мне пропало желание ходить тут, я не вижу в этом смысла. Не сегодня. Когда-нибудь еще.

Вдруг во весь голос я кричу:

- Что это? Зачем? Хватит.

Так повторяется много раз, пока не перерастает в истерику. Иногда я люблю вот так покричать, пока меня никто не видит и не слышит. Мне это доставляет неопишуемое удовольствие.

Я спускаюсь вниз, прохожу мимо остановки и иду домой.

В голове только одна мысль:

- Я не хочу так жить, какой в этом смысл.

Так я иду и прокручиваю эти слова у себя в голове.

- Не хочешь? - вдруг спрашивает голос внутри меня. Мой же, но другой. Эдакий диалог.

Меня это слегка взволновывает.

Вдруг на своем пути я вижу человека, в возрасте, но не так старом, как можно было бы подумать. Кажется, кто-то похожий вышел из автобуса на остановке вместе со мной и шел некоторое время.

В голове два слова: "Не радуется".

Вдруг человек подходит ко мне довольно близко, так, что я могу его слышать, и спрашивает:

- Дружище, не подскажешь, сколько время?

- Отвали, дед.

- Так все же, неужели она правда тебя не радуется?

- Что?

- Не хочешь? - он спрашивает голосом, похожим на тот, мой собственный, в голове.

- О чем вы? - удивляюсь я.

- Ну а что бы ты сказал, насчет такого?

- Какого?

- Ты ведь не хочешь так жить?

Я молчу. Он меняет тон.

- Твое тело и твоя жизнь будут отданы на день тому, кто захочет жить. Тогда ты сам помотришь...

- Да иди ты, психопат, - говорю я и пускаюсь бежать.

- Стой же....

Мне все равно на то, что он говорит. Я бегу и не оглядываюсь. Почти добежав до дома, я все-таки обернулся, чтобы убедиться, что хвоста нет. Его нет. Может мне это просто показалось. Да какая разница. Я иду домой.

Проведя дома вечер, я ложусь спать. Конечно, я не кому не рассказал о произошедшем со мной за день. Особенно за вечер. Но, теперь в голове у меня вертелись не только слова "Не хочешь", но и этот человек. Здорово же он меня напугал. Может, это всего лишь моя фантазия. Так, я медленно засыпаю, изредка вздрагивая лишь от одной мысли об его

предсказании.

Утром, когда я проснулся. Со мной все, вроде бы, было нормально. Я открыл глаза, но не мог пошевелиться. Как будто я здесь - лишь жалкий наблюдатель. Я пытался закричать, но у меня не получилось. Минут через пять сопротивления чужой голос в моей голове сказал:

- Привет.

Я просто опешил от этого.

- Привет, Я Карл.

Я молчал, а позже все-таки нашел в себе силы ответить.

- Привет.

Мне хотелось встать и убежать, выбежать туда, в коридор, к родителям, рассказать им что происходит, но я не мог.

- Ты долго обычно спишь? - спросил у меня Карл.

Он как будто играет со мной или проворачивает такое не впервые.

- Довольно долго.

Я не стерпел.

- Блин, кто ты такой, откуда ТЫ в моей голове? Почему я не могу встать, что вы со мной сделали?

- Формально, это ты в моей голове. Тебя больше нет. И все. Помнишь, про что тебе вчера сказали на улице? Не утруждайся жить, раз ты не хочешь.

Впервые за столь большой промежуток моей жизни я не соглашался с собственными убеждениями. Мне просто ужасно хотелось жить. Но я промолчал.

- Так что, отдыхай, Марк, так ведь?

- Да.

В комнату заходит папа.

- Вставай, лежебока, уже пора.

Я кричу ему:

- Подними меня, сделай хоть что-нибудь, что угодно, прошу тебя.

Взамен этого раздается радостный голос и текст Карла:

- Доброе утро, уже встаю.

Он улыбается. Я улыбаюсь. Мое тело. Но я чувствую как этот паршивец растягивает мои

щеки в радостной улыбке.

И что я вижу. Некогда не видел своего папу таким счастливым, он улыбается в ответ:

- Сегодня будет хороший день, ведь ты даже не сопротивляешься, а сам встаешь, вот чудо.

Он доволен и так рад. А я жутко удивляюсь. Мое тело в подчинении Карла встает и выходит из комнаты. Он собирается и приводит себя в надлежащий вид.

Странно, у моего тела откуда-то взялась солдатская выправка. Все действия четкие и отлаженные, я как будто провел десять лет в учебной части.

Так странно наблюдать, как твое тело ходит и делает все такое, а ты лишь молча сидишь где-то в глубине собственного разума.

- А ты часто брешься? - нарушает тишину в моей голове чужой голос.

- Да, я всегда бреюсь.

- Как скажешь.

После он спускается на кухню, к маме. Она приготовила мне еду, МНЕ, и лишь за мной право, даже, скорее обязанность, от нее отказываться.

- Ты сегодня возьмешь покусать?

Я из-за всех сил приказываю рту сказать что-то вроде:

- Нет, никогда и ни за что, -

а на выходе получается:

- Конечно, если можно.

Мама падает на стоящий рядом стул. Она в шоке.

- Ты серьезно?

- Абсолютно, мама, - моя голова кивает.

Она кладет мне в рюкзак пакетик с едой, и Карл говорит:

- Спасибо, мама.

Она обнимает его. То есть меня. А потом просит:

- Ты можешь, пожалуйста, разбудить Льюиса?

- Конечно, сейчас сделаю.

Льюис - мой младший брат. Обычно, меня не просили его будить, потому что самый гуманный метод в моем арсенале для этого - вылить на него стакан воды. А сейчас мне, то

есть Карлу, это снова доверяют.

Он идет направо по коридору в спальню брата.

У меня мелькает мысль:

- Откуда этот психопат знает, куда идти. Я вчера не ходил в спальню брата.

- Оттуда, - отвечает Карл, - я про тебя все знаю, ведь я же в твоём теле.

- Готовился?

- А то.

Он открывает дверь и подходит к кровати. Я жду, что же он сделает.

Ничего.

- Братишка, подъем, - он лишь слегка толкает его за плечо, раскачивая из сна.

- Убери от него руки, - ещё никогда мне не хотелось так помочь своему брату.

- Успокойся, - саюпокойно думает Карл, - ведь я - это ты.

- Что, даже не обольешь водой? - спрашивает Льюис.

- Не сегодня, - я, а точнее мое лицо, улыбается.

- Надеюсь, что никогда, - подмечает Карл.

- Вставай, - добавляет вслух он и выходит, останавливаясь у двери и добавляя, - удачи, пока.

- Пока, - говорит Льюис.

Он идет на остановку и насвистывает. Идет вовремя, мне даже непривычно так существовать.

- Кто ты такой? - спрашиваю я, понимая, что сопротивляться уже бесполезно.

- Я Карл. Это все, что тебе пока нужно знать.

Так мы приходим на остановку. Мы, в МОЕМ теле.

Если честно, он мне даже немного нравится, этот Карл. Раздражает конечно жутко. Особенно тот факт, что отобрал мое тело и всю мою жизнь. Но он так обходится с моей семьей, я их еще никогда такими счастливыми не видел, мне даже немного непривычно.

- А сколько тебе лет, Карл.

- Нисколько, меня же нет.

- А если честно? - я могу быть настойчив.

- Двадцать четыре.

Странно, такой молодой, а его уже НЕТ.

Без особых приключений мы приезжаем в колледж. Разве что, в автобусе мне наступили на ногу, и, к моему удивлению, боль я почувствовал. Злость распирала меня. И, как обычно, до того, как человек успевает опомниться, я хотел на него не кричать. Но звук не пошел, а Карл молчал.

Вместо этого всего я видел, как человек развернулся, посмотрел на меня и вежливо с улыбкой сказал:

- Извините, я случайно.

- Ничего, - с такой же улыбкой ответил Карл.

- Как это ничего, блин, он же мне ботинок испачкал, немедленно пошли его, слышишь, дай микрофон мне.

- Ничего, - повторил Карл мне про себя.

А ведь правда, ведь ничего.

- Поверь мне, это сущий пустяк, по сравнению с тем, что пережил я.

- А что ты пережил?

- Неважно, то есть, ничего.

Он заставил меня задуматься.

А сколько еще таких глупостей сделал я, и, если потом меня спросят, "А что же ты делал, когда жил?", -

"Ничего".

Мне опять стало не по себе.

К подъезду мы подошли в тишине. И вовремя. На удивление мне. Кажется, даже мое тело, не то что разум запрограммированы на опоздания. Но он смог это исправить. Мы зашли вовремя, прямо как по расчету.

- Здравствуйте, - он кивнул на посту охраннику и показал пропуск.

- Ты что, совсем рехнутый? - в тот же миг возразил я.

- Смотри.

В ответ охранник кивнул, и даже, кажется, что-то сказал самому себе под нос. Но одно я заметил точно. Он этого не ожидал. У него было лицо, как у ребенка, чью шалость взрослый не стал пресекать, а наоборот подыграл ему. Теперь ему самому не интересно вести себя плохо. Так же и с этим охранником.

Карл аккуратен. Он действует степенно и точно, и это слишком заметно. Я видел, как перешепнулись уборщицы, когда он их поблагодарил за помощь. Никогда так не делал.

- Ты палишься.

- Что?, - удаленно спросил он.

- Заметно, что это не я.

- Так это и не ты. И вообще, какая разница, ведь меня, как и тебя, здесь нет.

Я промолчал.

Мы поднялись в кабинет, где уже сидел учитель.

- Ничего себе, Маллен, вы сдержали свое слово, данное мне вчера обещание.

- Да, сэр.

- Похвально.

Что он делает, ведь это совсем не похоже на меня. Вообще ни на кого не похоже.

Урок, как уже можно себе представить, прошел без происшествий. Меня это уже перестает удивлять, даже немного скучно.

В конце урока одноклассники меня не ждали, наверное делают что-то в коридоре или, может, курят.

Когда мы вышли, я заметил где они. Они получали от ребят из противоположного класса, как это часто бывало, на заднем дворе. Обычно, если их вожака удалось повалить, то все они на следующий день либо вообще не приходят, либо приходят с синяками. Сейчас как раз это и можно было наблюдать. И нет, чтобы пройти мимо по старой доброй привычке, мое тело под рациональным управлением Карла устремилось вниз к ним. Он стал помогать им, побил двух человек, а потом еще и третьего.

Я вообще не знал, что мое тело может быть способно на такое.

- Что, не ожидал, да? - я чувствую его легкую улыбку, и хотя ему слегка досталось, это я слышал сам, я остался доволен.

- Неа.

- Надо помочь им.

Он протягивает руку сидящему в неимоверном страхе вожаку, который вчера столь дерзко подошел ко мне.

- Вставай, - говорит Карл.

- Спасибо, большое спасибо, - отвечает тот.

- Пожалуйста, - говорит мое тело, а Карл тем временем подмечает:

- Мы идем в столовую.

Нет, только не это, думаю я. Вдруг он все испортит своими солдатскими штучками.

- Да, не бойся, не испорчу.

Что, блин, как он читает мои мысли? Не могли же мы стать одним целым, ну нет. Нет ни его, ни меня.

Через пару минут мы уже в столовой. Он идет к ней. Я вижу ее заплаканное лицо. Она увидела меня еще раньше, но не обратила никакого внимания, точнее сделала вид, что не обратила.

Он нагло идет к ней.

- Привет, - говорит мой рот.

Она не отвечает.

Тогда он целует ее, ЕЕ, МОЮ Люси.

Внутри меня все трепещет, и я стараюсь отодвинуть свое тело, крича:

- Ну ка убери от нее свои подлые руки, это моя девчонка.

- Тебя нет. Ты сам так хотел.

Чувствую, как она прощает это существо, стоящее напротив нее. И чувствую ее любовь. Как я сам не замечал, как именно блестят ее глаза. Ведь эта искра, сколько раз она горела, пытаюсь осветить мне верный, настоящий путь.

- Не говори ни слова.

Карл отходит к витринам и покупает пирожное. Ее ЛЮБИМОЕ пирожное.

- Я даже думать забыл, что она его любит, - с горечью отвечаю я. В горле у меня комок, и, кажется, если бы не отсутствие контроля над телом, я бы просто заплакал.

- Нет, не забыл, ведь я же это помню.

Он покупает пирожное и идет к ней. Затем ставит его на стол, а сам становится на колени (Что Ты Творишь?) и говорит прямо ей на ухо:

- Прости меня.

Я вижу, как по ее щеке катится слезинка, которая касается уголка ее улыбающегося рта. Кажется, она счастлива. Как я раньше этого сам не видел.

Ведь, ей не так уж много надо для счастья - поцелуи, любимые пирожные и то, что ее любят. Наверное, последнее - самое главное.

- Я простила, - улыбаясь, говорит она.

Он вытирает слезу с ее щеки. Я больше не могу на это смотреть. Стыд и печаль раздирают меня. Что я натворил? Как я мог так жестоко обижать ее? Может, я и правда заслуживаю того, чтобы МЕНЯ не было?

- Может, пойдем на выставку сегодня? - говорю, как она думает, я.

- Но ведь сегодня открытие, это слишком...

- Нет, мы пойдем сегодня.

После занятий мы пошли на эту выставку. Кажется, мне даже было немного интересно. Но, больше всего меня поразил Карл. Вся выставка была посвящена лицам войны, а точнее тому, как они меняются у людей за время, проведенное на фронте. Я чувствовал то, что чувствовал он. Как будто меня распирал внутри подъемный кран. Смесь жутких чувств. Интересно, а смог бы я сам устроить то, что сделал для нас он?

После выставки мы проводили Люси, и она не переставала светиться даже в подъезде, до того, наверное, пока не зашла в лифт или свой дом. Я, кажется, сам засветился. Что он сделал со мной.

Стемнело.

- Пора домой, Марк.

- Пора.

Мы приехали на остановку, а затем он потащил меня на крышу дома.

Кажется, было уже часов одиннадцать.

- Что Ты чувствуешь, Марк? - спросил меня он, пока мы стояли там.

- Не знаю, что-то, что-то странное, - запинаясь я, ██████████, - но я не хочу туда, - я показал ему вн
- ни за что. Не знаю как я показал это ему, но он меня понял.

Мы стояли молча. Вдвоем в моем теле. И мы существовали оба.

- Кто ты такой, Карл? - спросил у него я.

- Сколько время? - сказал он и сам повернул голову на часы.

- Полодиннадцатого, - произнес я, кажется, он не мог понять, что там написано.

- Хорошо. Послушай меня и поверь, сам видишь, что происходит. Но рассказ, этот рассказ, моя история, он долгий. Готов?

Я кивнул.

Про себя.

- Отлично. Я родился в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Мои мать и отец погибли

на войне. Этой страшной войне. Они так сильно любили друг друга, что, когда отца отправили во Францию на западный фронт, мать увязалась за ним как санитарка. А я остался здесь. С моим дядей, братом отца, который, по совместительству, оказался дезертиром. Поэтому я попал в детдом. А Карлом меня прозвали потому, что в одном из писем родителей на мой адрес они рассказывали, что их жизни спас немецкий солдат Карл, когда застрелил собственного командира, не дав ему убить их обоих. Так и пошло, Карл. Я рос в этом детдоме. Один. У меня не было никаких родных (чувствую, как поделенное на двоих сердце сжималось, причем по вине обоих), и, признаться честно, не понимаю, как ты можешь так относиться к своим родным. Я полюбил их сегодня, как своих родных родителей и брата, а слова "мама" и "папа" - святые для меня. Потом, когда я подрос, особых перспектив стать кем-то после детского дома у меня не было, и я пошел в армию. Но и там, и там, я понял, что дружба - важна. Именно поэтому я помог этим ребятам сегодня на заднем дворе, - не убивать же их. Что касается Люси, так это вообще отдельный разговор. У меня никогда не было такой любви, как у вас. Она горит, как свеча, как прожекторы над Арденнами и Лондоном. Люби ее и не обижай. (Почему он говорит приказы? Куда он собрался?) А главное, не глупи. Ведь ты сам ее любишь. Я знаю, что любишь.

Самое важное, что сейчас? Ты хочешь прыгнуть? Или ты хочешь жить. Я знаю что ты хочешь, я сам это выбрал бы, если мог. Но, у тебя есть еще все шансы. Ладно, а то я отхожу от дела.

Когда мне стукнуло за двадцать четыре, меня поглотила война во Вьетнаме. В шестьдесят восьмом году я погиб. Я заживо сгорел в подбором вьетнамцами танке. Ты знаешь что это такое? Как это мучительно больно умирать, не имея ни малейшего шанса на то, чтобы выбраться, убежать, выжить. Никакого шанса. Только ты и горящая железка. Я слышал визги своих боевых товарищей, а после и мне самому пришел он. Как я думаешь? Когда вчера человек сказал тебе, что отдаст твое тело и жизнь тому, кто хочет жить, что он имел ввиду? Правильно, именно это. Ты будешь готов с ней распрощаться только до того, как у тебя ее на самом деле отберут. Уж поверь, я сам это прошел. Ты изменил свой выбор?

Я сказал ему:

- Да.

- Хорошо. Смотри.

Власть над моим телом наконец вернулась ко мне, и я повернул голову в сторону.

Передо мной, весь в белом, стоял паренек, лет двадцати пяти. С виду не скажешь, что с ним что-то не так. А он сказал мне:

- Узнал?

И я узнал в нем Карла. Это он.

- Вот ты какой, Карл.

- Да, это я. Извини, если я что-то сделал не так. Мне пора уходить. Прощай.

Он протянул мне руку, а я сжал ее, а потом по-дружески обнял его.

- Куда ты теперь?

- Все. В никуда.

- Может ты останешься, я готов отдать тебе это тело. Останься.

- Нет, Марк. Я свое сделал. Прощай. Твой друг Карл.

Он развернулся и попытался уйти или поплыть вверх.

- Постой, как мне тебя найти?

- Запомни: Карл Лимбшер, десять девяносто восемь сто один. Сын Виктории и Альтера.

- Хорошо.

- Прощай.

- Прощай....

Здесь моя память будто обрывается. Сознание помутрело, и я вовсе его лишился. Единственное, что я отчетливо помнил, это голос того человека в моей голове. Он спросил:

- Все еще не хочешь?

А я ответил:

- Хочу.

Помню, я очнулся у себя дома, в своей кровати, а в комнате у меня сидели мои родители и брат. Они сказали, что меня нашли на крыше без сознания, потом забрали в больницу, но ничего не обнаружили и вернули домой. Доктор, который меня обследовал и лечил был какой-то мужчина средних лет или даже более позднего возраста.

Я не знаю, что произошло со мной, было ли это все взаправду, или тот человек тогда просто уколол меня чем-то и мне это все просто казалось, а сам он оттащил меня на крышу. Не знаю. Но одно знаю точно, больше во мне нет этой ужасной мысли отдать свою жизнь просто так. Я, честно говоря, об этом больше и не думал, а думал лишь о родственниках, родителях и брате, а также одноклассниках и Люси, вообще всех людях, окружающих меня и живущих в этом мире, о том человеке, а главное - о нем - о моем друге Карле.

Когда вся эта история немного улеглась, я решил поискать его, Карла. И я его нашёл. Забил, знаете, в поисковике. И мне выдали адрес. Я съездил туда. Это оказалось старым кладбищем.

- Карл Лимбшер.

Я нашел его могилу. Десять девяносто восемь сто один - это ее номер. На ней написано его имя - Карл Лимбшер, дата жизни - с тысяча девятьсот сорок четвертого по тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, еще ниже надпись - сын Виктории и Альтера. Наверное, это сделал его дядя. Но, самое главное - это подпись внизу - "Твой друг Карл".

